

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ЯЗЫКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. *Инновационная юриспруденция — открытая перспектива концептуального и инструментального развития юридической науки эпохи постмодерна или эпохи сдвигов юридических картин мира, стилей правового мышления и сопровождающих их социально-экономических и политико-правовых трансформаций. Становление и формирование нового юридического дисциплинарного комплекса связано как с определениями предметов и способов исследования, так и разработкой конкурирующих аналитических языков описания и объяснения происходящих изменений правовой реальности. Все три структурные составляющие дисциплины представлены в границах понятийного кластера: традиции и новации, правовое развитие и современный мир. Традиции и новации вечные категории наличных практик социального существования с инвариантными и подвижными историческими формами и содержаниями. То, что для одной культурной формации — традиция, для другой может рассматриваться в качестве новации. Это — выражение накопленного опыта управления развитием, смешений и пересечений правовых коммуникаций, культурной памяти и наследия, передаваемого от поколения к поколению. Развитие институтов, процессов, идей, доктрин и языков юриспруденции имеет три вектора и стратегии своих проявлений и репрезентаций: эволюционные, инволюционные и парадигмальные переходы и сдвиги. Современность — это характеристика движения правовых систем в историческом времени и пространстве как процессов и остаточных состояний эпох до модерна и модерна, так и еще неизвестных в своих следствиях правовых формаций постмодерна. Институциональные вызовы современного правового развития в определяющей степени зависят от способности юридической науки находить конструктивные аналитические и инструментальные решения. Инновационная юриспруденция и есть возможный концептуальный и культурный ответ на запросы новой реальности.*

Ключевые слова: *инновационная юриспруденция, правовое развитие и современность, юридические картины мира и стили правового мышления, концептуальные и институциональные нововведения, язык социокультуры, дисциплинарный кластер, постюриспруденция, политика и семантика языков правового общения, культурный капитал, право социальных и корпоративных сетей.*

URISPRUDENCE OF DEVELOPMENT IN DEFINITIONS OF THE LANGUAGE OF THE HISTORICAL EPOCH

Abstract. *Innovative jurisprudence is an open perspective of the conceptual and instrumental development of legal science in the postmodern era or the era of shifts in legal pictures of the world and styles of legal thinking and the accompanying socio-economic and political-legal transformations. The formation and formation of a new legal disciplinary complex is associated with the definition of subjects and methods of research, as well as the development of competing analytical languages for describing and explaining the ongoing changes in legal reality. All three structural components of the discipline are presented within the boundaries of the conceptual cluster: traditions and innovations, legal development and the modern world. Traditions and innovations are eternal categories of existing practices of social existence with invariant and mobile historical forms and contents. What is a tradition for one cultural formation may be regarded as an innovation for another. It is an expression of accumulated experience in development management, the mixing and intersection of legal communications, cultural memory and heritage passed down from generation to generation. The development of institutions and processes, ideas and doctrines, and languages of jurisprudence has three vectors and strategies of its manifestations and representations: evolutionary, involitional and paradigmatic transitions and shifts. Modernity is a characteristic of the movement of legal systems in historical time and space, both the processes and residual states of the pre-modern and modern epochs, and the legal formations of postmodernity, which are still unknown in their consequences. The institutional challenges of modern legal development depend to a decisive extent on the ability of legal science to find constructive analytical and instrumental solutions. Innovative jurisprudence is a possible conceptual and cultural response to the demands of the new reality.*

Keywords: *innovative jurisprudence, legal development and modernity, legal worldviews and styles of legal thinking, conceptual and institutional innovations, the language of socio-culture, disciplinary cluster, post-jurisprudence, policy and semantics of the languages of legal communication, cultural capital, law of social and corporate networks.*

Постановка вопроса

Правовые традиции и новации в широком метафизическом смысле — это социокультурные основания становления и развития правовых систем, институтов социально-нормативного общения, включая правовые идеи, принципы, правовые ценности и доктрины. Это цивилизационные рамки и критерии идентификации принадлежности к определенной культуре социальных коммуникаций, культуре юридических трансформаций и обменов, культуре поведения открытых или закрытых правовых систем. В узком, прикладном смысле это структурные и функциональные проекты, решения и модели, обеспечивающие производство правовых систем. То есть политики, направленные на преобразования наличных право порядков или политики, обеспечивающие сдерживание развития институтов, их консервацию в меняющихся контекстах существования. Мы привыкли

отождествлять приверженность традиции как проявлениям инерционности и архаичности правопорядков и приверженность к новациям как проявлениям их динамичности и актуальной востребованности. Считается, что традиционно-ориентированные правовые системы закрыты и консервативны, а инновационно-ориентированные — открыты и современны. Мы не должны забывать, что нечто, прежде чем стать традицией, когда-то было новацией, а самые передовые новации когда-то будут традициями.

Еще одним элементом понятийного кластера выступает правовое развитие или развитие правовых систем. С точки зрения современных подходов сюда включают взгляд на право, как многомерное — многокомпонентное, многоуровневое и полицентрическое (*гетерархическое*) ментальное — бытие права в его восприятиях, переживаниях и оценках правосознанием эпохи, так и существование права в сетевой структуре взаимодействий социальных отношений и политических решений, правовых доктрин и юридических концептов действительности. Это функция множества переменных с весьма неопределенной логикой процессов и границ изменений или возможных траекторий развития и конечных результатов. Полная реалистическая онтология права охватывает институты, ценности, концепты и эпистемы. Это также еще много чего, о чем мы можем только догадываться, но в том числе и вариативные отношения и процессы, события и состояния, константы своей культурно-исторической эпохи в ее прошлом, настоящем и будущем. Каждая культурно-историческая эпоха имеет дело со своим правом и знает о праве только то, что способна понять и осмыслить *в определениях* своего социального и культурного контекста и своего языка понимания права и рассуждения о праве. Феномен мифа, феномен веры и феномен логических построений правовых систем — всего лишь установленные в исторических практиках правового развития модусы и модальности их существования.

Правовое развитие обнаруживает себя не только в изменениях системы государственно-правовых институтов с точки зрения преобразований в предметах и режимах правового регулирования социальных отношений (институциональное развитие), но также (прежде всего) и в изменениях внутри систем знаний об институтах с точки зрения подходов, предметов и методов изучения государственно-правовых явлений (концептуальное развитие); среды обитания правовых институтов и юридических знаний или социальных, политических и культурных координат их становления в историческом времени и пространстве (контекстуальное развитие). Правовое развитие охватывает разнообразные процессы консервации и преобразований наличных порядков социальных отношений: актуальные и потенциальные возможности изменения правовых систем; линейные и циклические парадигмальные сдвиги в составе и структуре государственно-правовых институтов; сдвиги в системах концептуальных, институциональных и культурных рамок, ограничений, оснований и форм социального поведения. Квалификация как *традиционных, так и инновационных* юридических практик сама по

себе условна, вариативна и зависит от степени понимания последствий сохранения или изменения обстоятельств собственного существования; то есть, политики развития или политики консервации наличных состояний права и науки права, практического и теоретического юридического языка.

Третье измерение понятийного кластера — современный мир. Резонно возникает сакраментальный вопрос, а именно, что есть современный мир, и в каком смысле он современный? В радикальном варианте ответ был дан одним из самых глубоких отечественных филологов О.М. Фрейденберг: «В плане постановки новых научных проблем современность есть понятие хронологическое, а не методологическое» [1, с. 286]. В более широком культурно-историческом контексте понимание современности предложено Фернаном Броделем: «...современность есть продолжение — в разной степени — тех событий, которые имели место в ближайшем и далеком прошлом» [2, с. 29]. Современность — не только фазовое состояние истории. Это ее срез, которому предшествуют точки бифуркации или накопления социальных дисфункций и переходов в другие культурные и политико-правовые состояния. Это, прежде всего, новое видение и понимание проблем развития правовой реальности в определениях ее социокультурных оснований, факторов и качественных параметров развития и будущих кризисов. Современность живет одновременно в структурных отношениях старых, переходных и новых институтов и их проявлений в системе базовых ментальных и аналитических рамок социального поведения, концептуальных оснований изменений или консервации в системах социально-правовых мотиваций и действий. Можно соглашаться и не соглашаться с такой постановкой вопроса, но это — уже предмет критической юриспруденции.

Современный мир представляет собой многоуровневую и многополюсную систему социальных взаимодействий и пересечений исторических практик и механизмов социального общения. В нем обнаруживают себя практики параллельного сосуществования разнонаправленных архаичных и традиционных, религиозных и светских, секулярных и рациональных механизмов правового регулирования и самоуправления, знаниевых систем их аналитического описания и объяснения. Здесь имеет место сложное сочетание режимов повторяемости и инерции, сдвигов и трансформаций в формах и механизмах социального развития, процессов преемственности и разрывов. Нечто приходит, а ничто не уходит: инновации становятся регулятивным ядром правовой системы, традиции превращаются в ее маргинальную периферию и, наоборот. В реальности имеет место динамическое сосуществование и традиций, и новаций.

Сегодня мы наблюдаем кризис сложившейся глобальной модели государственно-правового развития. С одной стороны, попытки возвращения к ее исходным национальным государственно-правовым границам, а с другой, — поиски альтернатив социальным, культурным и технологическим основаниям собственного воспроизводства. В этом плане XXI век

демонстрирует системный кризис сложившегося глобального правопорядка своей макрокультуры. Это — и новые аномальности, и негативные юридические практики в существующей системе трансграничных правовых институтов, реализации прав человека и гражданина. Это — переход от гражданского общества к сетевому обществу; от права социальных традиций и иерархий к праву институциональных и культурных деконструкций; от права письменных текстов к цифровому праву или праву социальных сетей.

Пророчество Пифагора или в современной терминологии — прогноз — сбывается, — «мир управляется числами», правда не с метафизическими коннотациями, а вполне реальными и практическими. Магия чисел сменяется прозой цифр. Постреальность обращается исчисляемым социальным фактом, где уже не будет места многому из той культурной и политико-правовой среды обитания, которая пока окружает и еще обеспечивает привычный приватный порядок социальных отношений в границах понимания конститутивного значения неотчуждаемых прав человека и гражданина. На смену гражданскому обществу и демократическому государству приходят сообщества корпоративных сетей и регуляций. Иначе говоря, речь может идти о процессах развития внутри и вне отдельных правовых цивилизаций в границах пересечений и взаимодействия трансграничных институтов, культур и контактов.

Проблема в том, что если раньше в рамках отдельных культур то, что являлось нормой для одной правовой системы, выступало новацией для другой правовой системы в силу неравномерности социального развития, то сегодня культура идентичности становится размытой и неопределенной. Таким образом, проблема выбора и предпочтений решений и моделей в условиях неравномерности и неопределенности социокультурного, институционального и концептуального развития превращается в кризисный фактор социального поведения. Границы имплементации новаций и сохранения традиций в настоящее время — функция множества переменных, прежде всего, способности правовой системы сохранять старые эффективные правовые институты и их языки и осваивать новые правовые институты и их языки, не разрушая онтологические и аксиологические основания своего воспроизводства. Здесь лежат точки бифуркации в историческом движении правовых систем или смены гештальта в терминах языка Освальда Шпенглера.

Важно иметь в виду, что ключевые принципы юридического освоения действительности, ее понимания и конструирования остаются тождественными самим себе. Как были базовые институты, процедуры и языки права *respondere, cavere u agere*, так ими и остаются. Это институциональные ядра любой правовой системы, разрушая которые, система разрушает самой себя. Меняются контексты существования институтов, их конституирующие и обслуживающие дискурсы, но в конечном счете, при всем разнообразии юридических подходов и решений, все сводится к их квалификациям — правильное или неправильное, адекватное или неадекватное, должное или

недолжное, правомерное или неправомерное, законное или незаконное. И, что немаловажно, признанию эффективного или неэффективного правопорядка в выработанных в нем практиках политико-правового регулирования. А это уже вопрос взаимоотношений культур модерна и постмодерна в историческом пространстве и времени, точнее, цивилизационной принадлежности и идентичности правовой системы ее базовым ценностям. У каждой исторической эпохи свои представления и аксиология нормальности и приемлемости динамики институциональных и концептуальных превращений в системах традиций и новаций, свои выгоды и издержки их сохранения и освоения.

Концептуализация категории правовое развитие правовых систем

Изменения правовых систем охватывают своими практиками как институциональные, так и концептуальные составляющие правопорядка. В сфере их воздействия — элементы формального механизма правового регулирования: предметы, методы, субъекты, объекты и границы правового регулирования; элементы социокультурного механизма правового воздействия: ценности, представления, юридические картины мира и системы юридических знаний. Риторический вопрос «правовое развитие чего?» остается открытым. Видимо, — правовой системы в целом со всеми ее элементами, по крайней мере, в определениях современного правопонимания, а именно — системы права или институтов, системы источников — законодательства (романо-германской правовой системы) или судебных прецедентов (англосаксонской правовой системы); системы доктрин или идеологически санкционированных представлений об онтологических основаниях правовых систем; системы ценностей или регулятивных нормативных дискурсов юридической организации социального порядка; системы юридических языков (практических и теоретических), языка права и языка науки права, то есть, практического и аналитического инструментария юриспруденции; систем правовых знаний и систем юридической техники или техники прикладного юридического анализа, производства, реализации и применения права.

Правовые системы существуют и воспроизводят себя в границах наличных юридических картин мира. Правовое развитие — категория не только юриспруденции, но и социальных, политических и гуманитарных наук. Ее аналитические значения терминологически и понятийно связаны с процессом изменений и трансформаций социальных и политических институтов и языков их описания и объяснения.

В составе языков описания и объяснения правовых явлений различают такие уровни и аспекты процессов политико-правового развития как институциональные и концептуальные революции, институциональные и концептуальные новации, преемственность, совместимость или несовместимость институтов и концептов. В практическом языке особое место начинает занимать юридическая конструкция института развития. То есть,

финансово-экономические и административные комплексы учреждений и процедур, обеспечивающие разработку и внедрение юридических нововведений в практику социального развития, их экспертизу.

Правовое развитие составляет ключевой аспект и юридический механизм воспроизводства правовых систем, поскольку касается государственно-правовых решений и директив, определяющих тенденции и условия их собственного существования и воспроизводства. Актуализация категории инновации правового развития обусловлена тем, что решение проблемы социальных вызовов и ответов составляет объективное условие предвидения изменений в структуре действующих институтов или изменений в системах нормативных связей и сетей, переходов от юридической логики формальных институтов к логике сетевых институтов или цепочек взаимодействий внешних, протяженных и трансграничных. Основными характеристиками правового развития являются изменчивость, преемственность, непрерывность и их альтернатива — завершенность, консервативность, инерционность. Фазовые циклы процессов правового развития — непрерывность и преемственность и ее альтернативные версии — консервативность и инерционность — входят в категориально-понятийный кластер социально-правового континуитета.

В юридической литературе этот термин в основном употребляется в международно-правовом значении применительно к вопросам предметного и функционального взаимодействия современных государственно-правовых систем. Континуитет следует рассматривать как пространство и процесс воспроизводства правосубъектности участников правового общения без утраты способности принимать самостоятельные и суверенные решения. В нем формируются и функционируют конкурирующие и альтернативные технологии будущего. Разрывы формальных и культурных связей вносят неопределенность в практики социально-правового общения и постепенное угасание субъектности как таковой. Суть инновационных процессов и состоит в поддержании необходимого уровня континуальности структур взаимодействия и способности в границах приемлемости реагировать на меняющиеся условия социального и культурного развития.

Культурно-исторические технологии правового развития

Выявление эволюционных и парадигмальных сдвигов и переходов правовых систем от одних типов и форм правового регулирования к новым моделям связано с адаптацией и разработкой адекватного языка юриспруденции. Механизм преемственной эволюции права невозможен без сохранения и пролонгации позитивных практик социального общения и выработанных ими форм языка правового поведения и мышления, как своего рода словаря своей культурно-исторической эпохи. В этом плане преемственность — исходная база границ и возможностей правового развития, поскольку здесь совмещаются прошлое, настоящее и будущее правовых систем, накопленные

традиции и востребованные новации. Пересечения традиций и новаций выражают и заключают в себе совместимость ценностей социально-правового общения в истории становления и развития правовых цивилизаций.

Для современного состояния правового развития фундаментальное значение имеет нормативная ценность таких представлений о должном правопорядке, как поддержание необходимого и достаточного уровня правовой определенности социального общения, своевременное разрешение социально-правовых конфликтов, подвижный баланс публичных и частных интересов, нормативное значение прав человека и гражданина в практиках деятельности государственно-правовых институтов. Определяющее значение имеет анализ методов и форм взаимодействия институтов гражданского общества и институтов законодательной, исполнительной и судебной власти, поскольку здесь устанавливается (или не осуществляется) баланс-равновесие каждой составляющей гражданского и политического общества.

В социокультурных практиках развития правовых систем операциональное значение с различными последствиями их самосохранения и воспроизводства имеют три политико-правовые технологии: радикальные сдвиги или революции, постепенная имплементация новаций и преемственность базовых оснований существования и воспроизводства. Их можно *измерять, взвешивать и оценивать только на весах истории*. Революции как способ смены систем и режимов политико-правового развития являются радикальной формой разрешения социальных и культурных противоречий. Значение революции как фактора правового развития обусловлено наличием новой или модифицированной правовой идеологии, поскольку идеологии мотивируют институциональные изменения, а преобразования и конвергенции институтов предполагают глубоко эшелонированную систему доктринальной аргументации и определений. Исторический опыт революционной смены политико-правовых систем, наряду с позитивными результатами, показывает и негативные, влекущие необратимые разрушения в практиках социально-правового общения.

Другой инструмент и институт преобразований — правовые реформы, снимающие социальные напряжения и конфликты. Однако они нуждаются в гражданском признании или легитимации нововведений. Реформационные процессы и их результаты рассматриваются как процедуры и решения, влияющие на пролонгированные траектории, динамику и структуру правового развития. Обеспечение инновационного развития как регулярного процесса разработки и внедрения новых институтов составляет актуальное направление современного политико-правового развития. Вопрос эффективности инновационных решений — это дело экономии ресурсов развития и проблема способности осваивать инновационные решения в условиях сложившихся социально-экономических и политических ограничений. В современных условиях наличие технологически и юридически продвинутых механизмов инновационного развития выступает залогом успешной конкуренции

на рынках институциональных изменений и решений. Формирование и реализация инновационной политики основывается на создании систем, которые решают проблемы не только адаптации к меняющимся практикам развития, но и внесения изменений, заключающих в себе ее будущее: новые стандарты и новые практики социально-правового развития.

Управление инновационными проектами — это предмет таких правовых образований, как институты правового консалтинга и менеджмента, институты правовых экспертиз и программ. Это технико-юридические инструменты и элементы инновационной практики и юриспруденции. Успешное развитие современных обществ в условиях глобализации предполагает формирование не только одновременно устойчивых и подвижных правовых институтов, но и новых вариативных культурных стандартов социально-правового общения и поведения. Поэтому проблема правовых новаций, это и проблема новой институциональной системы юридического образования, и проблема новой институциональной системы организации и проведения научных исследований. Современное развитие связано с переходом к экономике знаний, для которой производство инноваций и их практическое освоение становятся ключевым фактором выживания в условиях глобальной конкуренции образовательно-исследовательских институтов.

Историческая логика развития систем социально-правового общения предполагает преемственность институционального развития. Институты живут в правосознании своего времени. С культурной динамикой отношений нового и старого сознания связаны процессы отрицания и сохранения сложившихся стереотипов и стандартов социально-правового поведения. Преемственность — существенное условие самосохранения положительного опыта общения. Хотя очевидно, что положительное и отрицательное в любом явлении сосуществуют не просто одновременно и вместе, но имеют симбиотическую природу: одно сопровождает другое и не существует без другого. Преемственность является особым механизмом исторической памяти и адаптаций к меняющимся условиям существования конкретного общества.

Историческая память — это и форма, и способ репрезентации социокультуры. Ее динамическая составляющая — культура памяти, и есть механизм преемственности в границах признания нового порядка отношений. Следовательно, преемственность может рассматриваться и как институт легитимации историко-генетической связи и взаимозависимости традиций и инноваций. Тем более сами традиции когда-то имели статус новаций, а новации постепенно и неизбежно расходуют и утрачивают внутренний потенциал развития. Значение института преемственности правового развития связано с проблемой преемственности в практиках организации власти и нормативного регулирования. Это — проблема системности и взаимозависимости в практиках институционального развития.

Таким образом, проблема сохранения или утраты нормативного континуитета в практиках правового регулирования — это вопрос совмещения

непрерывности и преемственности правового развития, совмещения традиций и новаций в ситуации сдвигов в институциональных полях социально-правового общения. То есть, сохранение наличной правовой системой своего потенциала через обновление институтов, что является общей темой и проблемой современного существования. Эволюция институтов предполагает эволюцию в формах и способах осмысления правовой реальности. Поэтому понимание места и роли самой юриспруденции в практиках правового общения и развития также фундаментально, оно является безусловным предметом и темой изучения парадигмальных институциональных и концептуальных сдвигов в правовых системах взаимодополняющих друг друга на принципах субсидиарности и комплементарности, транзитивности и инклюзивности.

Инновационная юриспруденция: предмет и система

Инновационная юриспруденция и ее учебная редакция «*Традиции и новации правового развития в современном мире*» касаются как проблем понимания политики переходов в будущее, так и проблем понимания политики консервации наличных практик социально-правового общения в культурно-историческом пространстве и времени. Ее предметная и аналитическая структура отражает взаимозависимые аспекты существования правовой реальности в ее разнообразных проявлениях, наложениях и трансграничных пересечениях — в институциональных, концептуальных, социокультурных, языковых и ментальных основаниях права, что делает ее собственное развитие, как научной и учебной дисциплины, актуальной темой и проблемой юридической науки и практики в целом. Именно здесь лежат глубокие основания преобразований дисциплинарной системы юридической науки, ее методологии и междисциплинарных связей. Каждая историческая эпоха в развитии юридической науки, ее аналитического языка и методов существует в рамках определенного политико-правового, социокультурного и концептуального *Контекста*. То есть в собственной системе конвенций относительно категорий, понятий и определений или аналитического *Языка* своего исторического времени, его философских, аксиоматических и догматических положений и представлений, принципов и ценностей. Поэтому, с методологической точки зрения, важнейшими дисциплинами в изучении государственно-правовых явлений в рамках современного кластера юридических дисциплин должны быть история политических и правовых учений и ее аналитическое продолжение — история и методология юридической науки, эпистемология и аксиология права.

Собственный предмет инновационной юриспруденции и ее категориально-понятийный аппарат имеют концептуальное значение в составе содержательных и формальных связей и пересечений, заимствований и обменов с идеями и концепциями, теориями и подходами с другими социальными и политическими науками. Отсюда формирование в общей системе юридической науки

таких научных и учебных междисциплинарных комплексов, как социология права, политическая юриспруденция, антропология права, правовая лингвистика. В этом исследовательском или предметно-концептуальном поле открывается актуальная аналитическая перспектива изучения развития институтов государства и права в широком культурном контексте, пролонгированном в будущее. Во-первых, современных социальных оснований государственности или современных конститутивных правообразующих практик в динамике меняющихся социальных интересов и потребностей. Во-вторых, современных трансграничных политических оснований и влияний государственно-правового развития или динамики и условий совмещения внешних и внутренних факторов преобразований национальных правовых систем. В-третьих, меняющихся культурных оснований или правообразующих культурных практик, ценностей или представлений о новой институциональной и концептуальной реальности и сложности.

В этом плане изучение юридических явлений включает в свой предмет не только изучение социальных, политических и культурных условий и процессов правового развития институтов, но и, прежде всего, фундаментальных сдвигов в предметной и дисциплинарной структуре самой юридической науки. Постюриспруденция — новый междисциплинарный формат и статус аналитико-концептуальной модели юридической науки и система взглядов на правовое развитие современного мира или текучей неопределенности реальности в терминах Зигмунта Баумана [см. 3; 4].

Юридическое знание исторически (в своих исходных эпистемологических основаниях и в своих первоначальных формах выражения) всегда носило практико-ориентированный характер. Классическим примером может выступить формат римской юриспруденции, в основании языка которой лежали юридические обобщения наличной эмпирической практики или юридические конструкции. Наименование фактически означало квалифицированное мнение юристов о юридических ситуациях, выявленных в реальных процессах публично-правового и частно-правового общения, — своего рода юриспруденция повседневности. Уже там просматривалось деление юридического языка на язык юриспруденции как науки или языка правовых понятий и язык юриспруденции как практики или правовых конструкций. Поэтому в литературе вопроса (эпистемологии) различают *язык объекта* (реальный конструктор социального факта) и *язык науки* (понятийный конструктор социального факта), язык существования явления и язык выражения или концептуальной реконструкции явления, язык юридической практики — институтов и язык юридической науки или аналитический язык, со своей исторической лексикой, семантикой и грамматикой. Причем, учитывая разнообразие форм правовых коммуникаций в различных сферах социальной деятельности, различают язык, то есть лексику, жанровые конструкции и стили мышления и изложения текстов различной правовой природы с их особыми правилами и процедурами формальной организации юридического

материала. А именно — язык материального и процессуального, публичного и частного права, язык правовых актов — деклараций, законов и подзаконных актов, правоприменительных актов и актов интерпретации права, язык юридических концептов, правовых доктрин и аналитический язык. Особое место в системе юридической науки занимает язык формально-догматической юриспруденции, язык юриспруденции как таковой, то есть очищенной от концептуальных влияний других социальных и политических наук. Это язык формальных юридических конструкций вне культурно-исторического контекста их существования и выражения; своего рода чистое учение о праве в концептуальных и аналитических построениях Ганса Кельзена [см. 5].

Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка юридического текста, следует отметить абсолютную недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не язык формальных высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это культурная грамматика насыщенных воображением и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, то есть юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативно-правовых актов, право — это то, в чём и чем живет Текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства. Наибольший интерес представляет язык, возникающий на пересечении отдельных юридических и неюридических дисциплин, или язык междисциплинарных тем и предметов исследования, язык многосоставных и многоуровневых, комплексных предметов понимания и объяснения социально-правовой реальности.

В общем дисциплинарном кластере юридической науки особое место занимают когнитивная юриспруденция и эпистемология права, общий предмет которых образуют правовое мышление и формы его культурно-исторической репрезентации, то есть внутреннее и внешнее право, — концепты и институты. В этом аспекте понимания предмета и методологии, ее аналитического ядра юриспруденция включает в себя изучение правовой реальности как языковой реальности. А именно, реальности регуляторных или рамочных и конкретных или операциональных определений и понятий; юридических дискурсов или способов и форм осмысления социальных фактов как юридических фактов; юридических текстов, структурированных по составу своих исторических элементов, по их семантике и грамматике. Новое направление ее правовой рефлексии — поэтика (метафорика) и семиотика юридического мышления или мышления в определениях понятий (гносеология права), мышления в определениях ценностей (аксиология права) и мышления в определениях нормативно-должного (деонтология). Юриспруденция как таковая превратилась в собственно правовую науку тогда и только тогда, когда стала предметом собственной концептуальной и аналитической рефлексии. То есть понимания того, что есть и что не есть

юридическое знание. В этом значении юриспруденция в собственном смысле данного явления и понятия — это одновременно теория и технология, эпистемология и познавательная практика.

Генезис государственно-правовых институтов есть также генезис юридических картин мира, форм юридического мышления и юридических знаний. В общем процессе культурно-исторической эволюции права и науки права различают эпохи правовой архаики, эпохи до модерна, модерна и постмодерна. В них обнаруживают себя культурно-исторические практики сдвигов и трансформаций в системе базовых парадигм, эпистем и концептов социально-правового развития. Любые содержательные и формальные изменения связаны с переходами от органических фаз эволюции первоначальных правовых систем к политическим, от линейной логики изменений в системах иерархий, традиций и авторитетов к консенсуальным и контрактным формам взаимодействий, основанным на принципах симметричной взаимозависимости сторон, от донаучных форм юридических знаний (мифопоэтических) к научным (рационально-логическим).

Современная юридическая наука конституирует себя в трех ключевых направлениях понимания права: юридический позитивизм (правовой формализм), социологический позитивизм (правовой реализм) и философско-правовые концепции права (правовая метафизика). Им корреспондируют три формата знаниевой репрезентации права: классическая, неклассическая и постклассическая юриспруденция, со своими предметами и подходами, аналитическими языками описания и объяснения политико-правовых явлений. В рамках юридического позитивизма основной объект теории составляют законодательство, система источников права, позитивное или установленное государством право. В рамках социологического подхода основным объектом теории выступает живое реальное государство и право, обнаруживающие себя в деструктивной правоприменительной практике и судебной деятельности. В рамках метаюриспруденции основной объект теории — базовые, фундаментальные юридические ценности и образы актуальной реальности в их юридических представлениях о будущем государственно-правовых институтов. Новый подход развивает понимание теоретической юриспруденции и как интегральной научной дисциплины, основанной на системном видении государственно-правовых явлений, существующих в широком контексте социальных, политических и культурных связей, взаимодействий и зависимостей, и как комплексной научной дисциплины, включенной в сеть междисциплинарных научных обменов, заимствований и аналитических коммуникаций. Данное понимание вытекает из основной функции юридической науки в целом, то есть из представления о правовых явлениях, категориях и институтах как о сложных, многосоставных и многоуровневых исторических формах социального общения и их концептуализации.

Особое место в аналитике и методологии современной юриспруденции занимает понятие-категория «концепт» — своего рода доктринальное

ядро политических и юридических полей и практик отдельных социально-правовых систем. Концепты характеризуют правовую реальность в форме восприятия, переживания и отношения к праву. Концепты получают свое выражение и связаны с правопониманием или представлениями о природе феномена права. В этом аспекте концепты — когнитивные основания и источники права. Вне концептов и манифестирующих их текстов нет ничего. Правовая реальность существует не только в системе институтов и изучается в предметной логике их развития, но также ментально переживается и оценивается, — положительно или отрицательно. Переживание права является важнейшим моментом репрезентации права в коллективном и индивидуальном сознании и предметом научной саморефлексии. Поэтому право как явление и институт по своей сути имеет психологическое измерение. В терминах диалектического языка К. Маркса право — не что иное как опредмеченная глубинная психология. Факт исторического существования права лежит в определениях языка социокультуры определенной эпохи. Институты существуют в рамках юридикто-психологических картин мира — предметов культурно-исторической юриспруденции и психоанализа. Именно в этом смысле право — не только институциональная, но и ментальная, когнитивная и языковая реальность. Акцентирование внимания на данных аспектах существования и выражения правовой реальности и лежит в основании перехода от классического формата юриспруденции к неклассическому формату и постюриспруденции; традиции и новации исторических феноменов культурной психологии определенного времени и пространства и внутренней готовности или способности конкретной правовой системы сохранять или принимать их в институциональных и концептуальных границах сложившихся траекторий развития и воспроизводства.

Культура постмодерна vs культура модерна

Правовые системы со всеми своими элементами — живые пульсирующие культурные реальности, существование которых определяется способностью реконструировать, обновлять и менять языковые и формальные практики социального общения. Ценностно-ориентированное юридическое знание — ключевой элемент культурно-исторического процесса образования новых институциональных и концептуальных оснований и механизмов развития и воспроизводства правовых систем. В этой логике самоопределения инновационная юриспруденция — составная часть общего процесса системных изменений и освоения нововведений в практиках политико-правового развития, то есть управления сознанием и поведением в мире глобальных трансформаций или борьбы за концептуальное доминирование в наличных и будущих юридических системах власти, собственности и регулирования. Новый поворот права и науки права заключен в переходе от юриспруденции технических нововведений (патентоведение) к юриспруденции культуральных новаций. Осознание значения ценностно-доктринальных

текстов как факторов институционального развития права предполагает смещение в дисциплинарной структуре юридической науки от формально-догматической к социокультурной составляющей дискурса их общего предмета и методологии.

Сетевое будущее открыто изменениям и неопределенно в своих промежуточных и конечных результатах. Отсюда собственно и проистекает настоятельная потребность, а значит, необходимость поиска и самоопределения языков юриспруденции, языков социального общения и познания правовой реальности, способных адекватно понимать и гибко реагировать на меняющиеся условия развития наличных правовых систем эпохи постмодерна в условиях перманентных деструкций. Постмодерн не обязательно позитивная фаза движения социально-правовых систем образа будущего в зеркале перемен при разрушенном настоящем. Оно проблематично, если не трагично, поскольку множество привычных форм социального общения должны исчезнуть, освобождая формальные пространства для этически и этнически подвижных культурно-биопсихологических трансформаций. Отсюда проблема критериев отнесения тех или иных состояний и событий, институтов и процедур, реформ и заимствований к современным или несовременным, открытым — гражданским, или закрытым — теневым. Это также вопрос самосохранения и адекватной или неадекватной государственно-правовой политики в системах унифицированных языков общения грядущих эпох сетевого существования. Если классическая юриспруденция — юриспруденция санкционированных фактов и формальных определений застывшей в себе реальности, а неклассическая — юриспруденция конкурирующих концептуальных представлений и образов живой реальности, то новая юриспруденция — юриспруденция технологий и моделей реальности невидимых сетей и правил, задаваемых самой сетью.

На место права субъект-субъектных отношений — права крови и права почвы, эгалитарного и сегментарного права, права политических иерархий, права индивидов и корпораций, приходит право трансграничных, глобальных и самовоспроизводящихся, непрерывно меняющих свою конфигурацию анонимных квазисубъектных отношений. Индивида классической юриспруденции сменяет другой востребованный персонаж юридической сцены — человек-функция, индивид, ставший дивидом — продуктом информационно-цифровой разработки сетевых траекторий статусов и ролей. На обломках эпохи модерна с его проблемами легитимности и свободы выбора, права собственности и прав человека и гражданина маячит Нечто — постреальность или реальность конца времени человеческого общения — общества спектакля Ги Дебора, симулякров Жана Бодрийера, деконструкций Жака Деррида, предчувствия сетевой модели социальных коммуникаций — ризомы Жюлья Делёза и Феликса Гваттари. Это — вестники неотвратимо грядущей судьбы греческой трагедии, которая всех нас поджидает, не спрашивая разрешения быть или не быть, — она уже есть. То, что существовало в воображении

маргинальной философии жизни вытеснения и замещения социальной реальности означающими без означаемых, состоялось.

Очередной поворот очередного цикла конца истории рождает свою скрытую и обезличенную юридическую реальность, и она имеет имя. Ее зовут постмодерн или возвратно-поступательное движение к регулируемому хаосу — предмету юридической палеонтологии отсутствия общего права при обилии операциональных правил. Экстраполируя возникающий на глазах мир, появление которого спрятано в наличных и невидимых практиках прихода и ухода социальных институтов, их вытеснения и замещения имитациями или субститутами, в определениях философии социальной мобильности Джона Урри — офшорами, аутсорсингами и франшизами и тому подобное — уже можно увидеть контуры будущего, которое нас подкарауливает. Темная реальность тотального цифрового неравенства, культурных перверсий, теневых юрисдикций и отсутствия человека, — право конца света. Поэтому значение инновационной юриспруденции в представленном негативном ракурсе происходящего выходит за рамки привычного образа научной дисциплины. Это одновременно — концепт и ценность, институт, технология и политика — пять фундаментальных оснований развития как такового. В этих дисциплинарных измерениях правовой реальности в контексте каждой исторической эпохи ее существования и проявлений заключена возможность увидеть и понять подлинные масштабы и последствия грядущих событий. Инновационная юриспруденция в определениях собственного предмета и методологии — юриспруденция производства и распределения культурного капитала в терминах Пьера Бурдьё [см. 6; 7].

Накопление и сохранение культурного капитала и есть главная инвестиция в действительно современное будущее и преодоления инерционного вращения вокруг сложившейся и уже изрядно обветшавшей исторической оси скачков из одной формации в другую и обратно. Выявление глубинных тенденций и культурных ориентаций развития — ключевая аналитическая функция и проектная технология инновационной юриспруденции, поскольку именно наличная культура либо открывает, либо закрывает будущее. Культура — это исторический текст, его словарь и дискурс. Все, что есть и что может быть, уже задано языком культуры своего времени, его исторической лексикой и грамматикой. Границы существования и изменения наличной реальности установлены границами существования и изменения языка понимания и объяснения возникающей реальности. Новая реальность такова, каков новый язык рассуждения о реальности. Поэтому, предмет и структура инновационной юриспруденции лежат в определениях ее культуры — языка правопорождающих концептов и их институтов. Главная проблема и тема инновационной юриспруденции — это проблема открытости или закрытости культуры традиций и новаций, проблема взаимных отношений и пересечений, выражающих их суждений и понятий, проблема транзитивности и совместимости языков повседневного бытования и аналитического воспроизводства права.

Программа курса

«Традиции и инновации правового развития в современном мире»

Постановка вопроса:

1. Предметы анализа: развитие и трансформации современных правовых систем.

2. Методы анализа: междисциплинарный и сравнительный подходы изучения правовых систем.

Тематическая структура:

Тема 1. Общее введение в проблематику и структуру курса «Инновационное развитие».

Юридические картины мира и стили правового мышления: концепты и институты.

Тема 2. Генезис социально-правовых систем.

Традиции и новации в определениях культурно-исторической юриспруденции.

Тема 3. Эволюция социальных систем. Современное состояние.

Инновации в определениях социологии права.

Тема 4. Эволюция политических систем. Современное состояние.

Инновации в определениях политической юриспруденции.

Тема 5. Эволюция концептуальных оснований правового развития:

Классическая и неклассическая юриспруденция.

Правопонимание и инновации в определениях аксиологии права.

Тема 6. Эволюция социокультурных оснований правовых систем.

Инновации в определениях антропологии права.

Тема 7. Эволюция юридической науки и правовое развитие.

Исторические типы правового мышления и форм знания.

Инновации в определениях эпистемологии права.

Тема 8. Эволюция юридических техник и правовое развитие.

Предмет прикладного юридического анализа.

Тема 9. Право и наука права в определениях эпохи постмодерна.

Базовый предмет инновационной юриспруденции — исторические формы правового развития, переходные состояния или точки бифуркации, разрывы

и сдвиги в системах юридического языка, дискурса и юридических картин мира. Базовые проблемы постюриспруденции:

возможности и способности превращения конкурирующих концептов политико-правового развития в господствующие институты;

нормативные границы включения в состав институтов одной правовой системы институтов другой правовой системы;

культурные границы освоения юридических языков одной правовой системы другой правовой системой;

переходы от пограничных концептов к доминирующим таксономиям или различениям, признаниям или отрицаниям новых позиций и функций, новых категорий и понятий, новых статусов и иерархий, сетей и зависимостей эпохи постмодерна.

Междисциплинарная историография инновационной юриспруденции

1. Фердинанд Тённис (1855–1936). *Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии* (1887), СПб., 2002.

2. Марк Блок (1886–1944). *Феодальное общество* (1939), М., 2003.

3. Фюстель де Куланж (1830–1889). *Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима*. М., 2010.

4. Эрнест Канторович (1895–1963). *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии* (1957), М., 2014.

5. Эрнест Геллнер (1925–1995). *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. М., 1995.

6. Карл Леви-Стросс (1908–2009). *Структурная антропология*. М., 2001.

7. Карл Полаanyi (1886–1964). *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (1944). СПб., 2002.

8. Мишель Фуко (1926–1984). *Археология знания* (1969). М., 2004.

9. Жан Бодрийяр (1929–2007). *Симулякры и симуляция* (1981), Тула, 2013.

10. Пьер Бурдьё (1930–2002). *О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс* (1889–1992). М., 2016.

11. Фрэнсис Фукуяма. *Государственный порядок*. М., 2016.

12. Чарльз Тейлор. *Секулярный век* (1931). М., 2016.

13. Карл Шмитт (1888–1985). *Политическая теология*. М., 2000.

14. Бенедикт Андерсон. *Воображаемые сообщества*. М., 2001.

15. Самюэл Хантингтон (1927–2008). *Столкновение цивилизаций*. М., 1996.

16. Фридрих Август фон Хайек (1899–1992). *Дорога к рабству* (1944), М., 2005.

17. Ганс Кельзен (1881–1973). *Чистое учение о праве* (1936, 1961). М., 2022.

18. Фернан Бродель (1902–1985). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1–3 (1979). М., 2022.
19. Йохан Хейзинга (1872–1945). Осень средневековья (1919). Исследование форм жизненного уклада и форм мышления (1988). М., 2016.
20. Арнольд Тойнби (1889–1945). Цивилизация перед судом истории. М., 2022.
21. Освальд Шпенглер (1880–1936). Закат Европы (1918–1922). Т. 1–2. М., 1993.
22. Вальтер Беньямин (1892–1940). Маски времени. СПб., 2004.
23. Умберто Эко (1932–2016). Поиски совершенного языка в европейской культуре. М., 2009.
24. Вернер Зомбарт (1863–1941). Собрание соч. в 3-х томах, СПб., 2005–2008.
25. Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955). Восстание масс (1930). М., 1991.
26. Георг Зиммель (1858–1918). Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Избранное (1909). Том 1–2. М., 1996.
27. Карл Юнг (1875–1961). Психологические типы (1921). М., 1995.
28. Эрих Ауэрбах (1892–1957). Мимесис. Изображение действительности в западно-европейской литературе (1946). М., СПб., 2016.
29. Ханна Аренд (1906–1975). Скрытая традиция. М., 2008.
30. Карл Поппер (1902–1994). Открытое общество и его враги (1945). М., 1992.
31. Карл Виттфогель (1896–1988). Восточный деспотизм (1957). Китежград. 2020.
32. Владимир Мартынов. Конец времени композиторов. М., 2021.
33. Анри Лефевр. Производство пространства. М., 2015.
34. Джеффри Сакс. Эпохи глобализации: география, технологии, институты. М., 2022.
35. Колин Крауч. Постдемократия. М., 2023.
36. Андраш Шайо, Рената Уитц. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М., 2021.
37. Эрик Хобсбаум. Разломанное время. Культура и общество в XX веке (2013). М., 2017.
38. Йохан Арнасон. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., 2021.
39. Наталья Варламова. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. М., 2016. С. 30–71.
40. Гадис Гаджиев. Онтология права (Критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
41. Антон Михайлов. Актуальные вопросы правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., 2016.

42. Николай Разуваев. Юридическое мышление в семиотическом пространстве правовой реальности // Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. СПб., 2020.
43. Джон Урри. (2014). Офшоры. М., 2017.
44. Эрнст Юнгер. Смена гештальта. Прогноз на XXI век (1993). М., 2018.
45. Критические теории права. СПб., 2023.
46. Постклассические исследования права. СПб., 2023.
47. Рут Бенедикт. Модели культуры (1960). М., 2023.
48. Мануэль Кастельс. Власть коммуникации (2004). М., 2016.
49. Михаил Ямпольский. Модернистская форма как способ мышления без понятий и больших идей. СПб., 2020.
50. Культуральные исследования права. СПб., 2018.

Список литературы

1. Фрейденберг О.М. О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках // Одиссей. Человек в истории. Т. 7. М., 1995.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества, журнал «Свободная мысль». М.: Логос, 2002.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. Пер. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011.
6. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
7. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / Под ред. П. Шампаня, Р. Ленуара, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Красечкина, И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.